

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Исторический факультет
Кафедра истории Средних веков и раннего Нового времени

005009388

На правах рукописи

Шукуров Рустам Мухамедович

ТЮРКИ В ВИЗАНТИЙСКОМ МИРЕ В XIII–XV ВВ.

специальность 07.00.03 – всеобщая история (средние века)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

2 6 ЯНВ 2012

Москва, 2011

Официальные оппоненты:

Бибиков Михаил Вадимович

Медведев Игорь Павлович

Мейер Михаил Серафимович

Институт востоковедения Российской академии наук

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

Никитина Т.В

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена тем, что осмысление взаимоотношений Византии с тюркскими народами занимает центральное место в науке с самого зарождения византинистики как научной дисциплины в XV–XVI вв. и до сих пор. Одной из принципиальных проблем истории Византии, которая до сих пор так и не получила систематического разрешения, является вопрос о причинах стремительного упадка и гибели византийской цивилизации в XIII–XV вв. Коренной вопрос заключается в следующем: почему Византийский мир, прежде столь устойчивый и гибкий перед лицом многих внутренних и внешних изменений, вдруг исчерпал свою жизненную силу и не смог найти адекватного ответа на очередной вызов истории? Основной чертой ранней историографии взаимоотношений Византии и тюркского мира является эмпиризм. Поскольку в трудах историков XVII–XIX вв. преобладала политическая история, история войн, характеров, придворных и дипломатических интриг, то византийско-тюркские отношения рассматривались исключительно в измерении политическом и персональном. В концептуализации этой проблематики наиболее влиятельной была идея религиозного и культурного противостояния христианства и ислама. При этом эта базовая концепция была унаследована от средневековой (западноевропейской и византийской) историографии. Надолго ставшая влиятельной версия византийско-тюркского конфликта формулируется в знаменитом труде Эдварда Гиббона. Исследователь рассматривал успех турецких завоеваний как следствие интриг, трусости и раздоров в византийской среде. Этому разладу, предательству и трусости противостояли турки, которых он характеризует как «облагороженных боевой дисциплиной, религиозным энтузиазмом и энергичностью национального характера». Картина исторического проигрыша Византии в передаче Э. Гиббона выглядит весьма схематичной и упрощенной: с одной стороны, это необъяснимые военная мощь и непреодолимое стремление к завоеванию со стороны мусульман, а с другой стороны, персональная воля предателей-византийцев привели цивилизацию к катастрофе.

Последующие поколения исследователей (за немногим исключением) недалеко ушли от схемы Э. Гиббона в объяснениях исторического проигрыша Византии, принимая во внимание два класса гетерогенных (хотя и связанных) факторов — так называемые, *внутренние*, порожденные изменениями в собственно византийских общественных и хозяйственных институтах, и с другой стороны, *внешние*, привнесенные из-за пределов византийского мира, с тюркско-мусульманского Востока, Западной Европы или тюрко-

славянского Севера. Исследователи вполне единодушны в том, что решающую роль в судьбе Византии сыграли не только *внутренний* (хозяйственный и социальный) кризис, но и *внешний* удар турок, в одночасье покоривших Анатолию, часть Балкан, а затем и сам Константинополь. При этом, *турецкий (тюркский) вопрос* решительно выводится за рамки внутренней жизни империи, *тюркское начало* квалифицируется как нечто сугубо чуждое и противоположное византийскому миру, а потому вдвойне разрушительное.

Кажущаяся самоочевидность такого толкования тюркского вызова долго препятствовала серьезному изучению конкретных *механизмов* освоения тюрками византийской ойкумены. Именно поэтому тема византийско-тюркских взаимоотношений остается актуальной по сию пору. Необходимы новые подходы и новый исследовательский инструментарий, чтобы выявить роль тюркского начала в исчерпании византийской цивилизации.

Предметом исследования является реакция византийского общества на проникновение в него тюркского этнического элемента, а именно те социо-культурные трансформации, которые испытала византийская цивилизация в результате включения в себя тюркского культурного элемента. Мы говорим не только о «внешних» влияниях на византийскую цивилизацию, но скорее о существенной ее перестройке, инициированной присутствием в ее горизонте тюркского начала как одного из элементов «своего». Определение характера и меры освоения тюркских элементов византийским обществом и культурой позволит более предметно отвечать на вопрос о причинах неэффективности поздневизантийской цивилизации перед лицом внешнего завоевания в XIII–XV вв. Не отрицая влияния внешнего военно-политического фактора для судеб византизма, нам представляется не менее важным изучить явные и подспудные трансформации в самой византийской ментальности, приведшие к ее экзистенциальному поражению. Из сформулированной интерпретационной стратегии проистекают и конкретные цели исследования.

Цель исследования состоит 1) в выявлении тех сфер византийской социальной и культурной реальности, которые претерпели трансформацию под воздействием встречи с тюрками, и 2) в определении меры воздействия этих трансформаций на иммунные механизмы византийской цивилизации. Важно выяснить реакцию на встречу с тюрками самой византийской культуры: как на микроуровне индивидов, дворцового, церковного, городского и сельского быта переживала византийская цивилизация свое отступление

перед лицом более мощных противников. Воссоздание зримой картины *исторического проигрыша* Византии в этом цивилизационном противоборстве прояснило бы достаточно многое, а главное — действительную роль тюркских народов в трагедии, постигшей византийский мир, равно как и реальное соотношение между «внутренними» и «внешними» факторами истощения жизнеспособности византизма.

Задачи исследования. Для достижения обозначенных целей следует разрешить следующие конкретные задачи, лежащие в двух плоскостях: первая группа вопросов относится к сфере социальной и антропологической, вторая группа задач относится к плоскости по преимуществу социо-лингвистической и ментальной. Во-первых, в качестве рабочей гипотезы в наших прежних исследованиях выдвигалось предположение о наличии на византийских территориях групп «византийских тюрков», т.е. тех тюрков, которые приняли византийское подданство и были расселены византийской администрацией в империи. Следовательно, следует доказать на материале первоисточников само наличие тюркских этнических меньшинств на территории Византийской империи, объединяемых воспоминанием об общем происхождении (либо тюркским-анатолийском, либо тюркским-подунайском), которое при определенных условиях отделяло их от большинства и от других меньшинств; описать эволюцию тюркских меньшинств в поздневизантийскую эпоху; определить их удельный вес в общей численности населения в различных географических зонах византийского мира; обрисовать пути проникновения тюрков-эмигрантов в византийское общество; реконструировать степень и конкретные механизмы ассимиляции эмигрантов; определить место, которое занимали тюрки-эмигранты в византийском обществе.

Во-вторых, следует определить, насколько были влиятельны эмигранты-тюрки в культурном отношении; выяснить какие сферы византийской культуры подвергались трансформациям под воздействием тюрков как натурализованных, так и иностранцев; если такого рода воздействия, действительно, присутствовали, то следует выяснить, как они могли повлиять на реакцию византийцев на внешнюю угрозу со стороны тюркских государств. Анализ ментальных трансформаций наиболее эффективен в рамках социо-лингвистического исследования. Поэтому среди важнейших задач исследования следует назвать сбор и этимологизацию негреческих по происхождению языковых элементов, вошедших в византийский греческий, определить пути их проникновения в греческую языковую среду; следует оценить степень влиятельности этих иностранных языковых элементов на греческую языковую практику. Связанная с предыдущей группа задач

состоит в выяснении масштабов присутствия в византийском пространстве тюркофонии, а также и в выявлении агентов тюркофонии – кто, по какой причине и в каких масштабах мог на византийской территории практиковать тюркофонию.

При этом, исследование с неизбежностью должно носить выраженный сравнительный характер: во-первых, следует проанализировать и сравнить как западновизантийскую (Ласкаридская, Палеологовская), так и восточновизантийскую понтийскую парадигмы взаимодействия с тюрками; во-вторых, следует проследить типологические связи и различия между тюркскими анатолийской и северночерноморской парадигмами в их отношении к византийскому субстрату.

Хронологические и географические рамки исследования. В фокусе исследования находится поздневизантийский период с 1204 по 1453 г. – именно тогда наблюдаются кардинальные изменения традиционных парадигм византийской идентичности, а также и изменения в отношении византийцев к тюркам. При этом, византийский мир должен быть рассмотрен целостно, с учетом обоих его главных вариантов – западновизантийского (Западная Анатолия и Балканы) и восточновизантийского (Трапезундская империя). Под «византийским миром» в данной работе понимаются те регионы, на которых сохранялась византийская политическая власть (Никейское, Трапезундское и Эпирское государства, Византийская империя Палеологов).

Методологическая основа исследования перечисленных выше тем учитывает новейшие методологические стратегии, выработанные гуманитарными дисциплинами для интерпретации источника и реконструкции на его основе социальных и ментальных реалий прошлого. Работа носит выраженный междисциплинарный характер в силу многообразия и разножанровости источниковедческой базы. Типологическая и жанровая природа источников в сочетании со спецификой обращаемых к ним вопросов предопределила набор используемых частных методик и методологических подходов, относящихся к широкому спектру гуманитарных наук – исторической науки (включая многие из вспомогательных исторических дисциплин), филологии, лингвистики, искусствоведения и т.д. Эта методологическая стратегия вслед за Жан-Франсуа Лиотаром может быть названа «номадической»: в зависимости от объекта исследования мысль ученого «мигрирует» не только по разным частным методикам, но и по различным, может быть даже, в прошлом и конфликтовавшим между собой методологическим подходам

(позитивистский и марксистский подходы, «новая историческая наука», герменевтика, феноменология, поэтология, эпистемологический подход в духе Мишеля Фуко и т.п.).

Весьма сложной проблемой методологического характера оказалось то обстоятельство, что в письменном наследии Византии сохранилось слишком мало эксплицитных сведений о натурализовавшихся иностранцах (будь то латиняне, славяне или тюрки) и том воздействии, как правило, подспудном, которое они оказывали на византийскую ментальность. То, что мы имеем в византийских текстах на эту тему, как правило, является счастливым для исследователя исключением. Однако очевидно, что сохранившиеся тексты, отнюдь не являются точным оттиском той социальной и ментальной реальности, которая их создавала. Отсутствие в текстах информации о том или ином объекте или феномене отнюдь не означает, что этих объектов или феноменов не существовало в исторической реальности. Эта индифферентность византийской письменности к этническим характеристикам в собственной среде и явилась, в частности, причиной почти полной неисследованности избранной нами темы в науке. Обычная научная оптика зачастую просто не различает объекта нашего исследования. Проблема реконструкции тюркского присутствия в византийской социальной жизни и ментальности в настоящей работе решалась двояко. Во-первых, ведущую роль в реконструкции этнического состава населения сыграла *ономастика* и, в особенности, ее *антропонимическая* и *топонимическая* части. Наиболее эффективным средством оказалась антропонимика, при некоторых условиях вскрывающая этническую идентичность носителя имени. Микротопонимика, хотя и менее обильная в сравнении с антропонимикой, давала важный материал по расселению не столько индивидов, сколько групп иноэтничных мигрантов. Во-вторых, для реконструкции значимых трансформаций в византийской ментальности, инициированных тюркским субстратом, главную роль сыграла *лексикография*. Именно она поставила наиболее важную информацию об уровне интенсивности восприятия византийской ментальностью восточных реалий, обрисовала состав и содержание «чужой» информации, освоенной византийским мышлением.

Опора на ономастику и лексикографию повлекла за собой не только применение особых методик исследования, специфичных для этих разделов лингвистики, но и выдвинула на первый план роль *этимологической* работы. В данной работе наиболее действенными были *греческие, арабские, персидские, тюркские, латинские, южнославянские, картвельские этимологии*. Для начальной социологической обработки полученного антропонимического материала весьма действенным был методический инструментарий *просопографического* исследования. Наше обращение к лингвистике

преследовало скорее социо-антропологические, чем сугубо языковедческие задачи, и имело конечной целью реконструировать историческую реальность в ее социальном и культурном аспекте.

Завершающим этапом анализа являлась *герменевтическая* перечитка византийских текстов разных жанров через призму тех результатов, которые были получены в ходе ономастического и лексикографического анализа, и их социо-антропологическая интерпретация. На герменевтическом этапе исследования наиболее эффективными оказались современные *аллологические* подходы. Собранные нами конкретные примеры встречи византийского «Собственного» и тюркского «Чужого» интерпретируются в модусе *присвоения*, то есть *уничтожения* «Чуждости».

Потребность как типологического, так и количественного анализа относительно больших объемов ономастического и лексического материала повлекла за собой применение современных информационных технологий, а именно создание электронных баз данных, которые значительно расширили исследовательские возможности. В основе настоящей работы – две электронные базы данных, созданные нами на подготовительном этапе работы: «Восточная антропонимика в Поздней Византии, XIII–XV вв.» и «Восточные заимствования в среднегреческом, XI–XV вв.».

Источники.

В настоящей работе ставилась задача комплексного исследования всех значимых сведений о тюркском элементе в византийской цивилизации в источниках любых жанров и типов, включая материальные, вне зависимости от языка их создания. Источниковая база исследуемой проблемы характеризуется исключительной широтой и пестротой. Автор стремился к исчерпывающему привлечению всех сохранившихся источников византийского, мусульманского, латинского и славянского круга. В западновизантийском ареале наибольшее значение имеют греческие, латинские, южнославянские, арабские, турецкие письменные источники. Для восточновизантийского ареала более всего важны греческие, латинские, персидские, арабские, картвельские источники. Для каждого из аспектов темы, вкратце обрисованных выше, преобладающее значение имеют специфические комплексы источников.

Подавляющее большинство значимых для нас антропонимов и топонимов извлечено из актового материала, весьма богатого для поздневизантийского периода. Это публичноправовые и частноправовые акты – императорские хрисовулы, простагмы, патриаршие послания, синодальные постановления, периорисмы, практики, дарственные,

завещания, купчие грамоты и т.д., — содержащих обильную экономическую и демографическую информацию. Более 70% антропонимов и микротопонимов восточного происхождения обнаруживаются в актовом материале. Наиболее богатый документальный материал собран в изданиях актов Афонских монастырей, подавляющее большинство которых относится к XIII–XV вв. С 1937 г. и по сегодняшний день французские византинисты продолжают систематическое издание афонских актов в серии *Archives de l'Athos*; к настоящему времени уже вышло 22 тома. За пределами этих публикаций остается значительный пласт документов как Афонских, так и других монастырей на Балканах, Западной Анатолии и Эгейском море, изданных в сборниках документов, отдельных монографических исследованиях и статьях. Важным дополнением к данным греческих документов являются сербские акты второй четверти XIV в. Для Понтийского региона центральное значение имеют Вазелонские акты, существующее издание которых ныне устарело и требует переиздания на современном уровне. Близки по жанру и значимости сборники и регесты документов, относящихся к деятельности Константинопольского патриархата. Важными оказались другие документальные источники: финансовые заметки византийских купцов, в которых не только упоминаются имена людей, но дается и специальная терминология, названия товаров и предметов быта, заимствованные с Востока. Некоторое значение имеют османские документы, а в особенности, ретроспективные данные османских кадастров (*defterler*) и *вакуфных* грамот, которые создавались османской администрацией с XV в. Данные кадастров содержат ретроспективную информацию как о западновизантийской экономике и демографии, так и о византийском Понте. Однако, для нашей темы, в силу ее специфических особенностей, османская документация дает мало информации.

Следующий по значимости корпус источников представлен нарративными текстами. Нарративные источники, в первую очередь историография, имеют двоякое значение. Во-первых, они дают необходимый фон политической и социальной истории, необходимый для любого социологического и культурологического исследования. Во-вторых, именно историография является следующим после актов резервуаром сведений о тюркских поселенцах в византийском мире. Историографический нарратив имеет и существенное преимущество перед актовым материалом: историки часто прямо указывают на этническое происхождение персоны или группы лиц (что в документальных материалах встречается исключительно редко), иногда дают более или менее пространное описание как интересующих нас лиц, так и демографических и культурных процессов. В корпусе нарративных источников, несомненно, наибольшее значение имеют византийские

тексты, значимость которых, однако, неодинакова. Историки XIII в. и самого начала XIV в. – Никита Хониат (ок. 1155–1215 или 1216), Георгий Акрополит (1217–1282), Феодор Скутариот (ок. 1230–после 1283), Георгий Пахимер (1242– ок. 1310), – со вниманием и, вместе с тем, профессиональным беспристрастием относятся к тюркской теме в византийской истории, отслеживая наиболее значимые события, не скупясь на пространные описания воздействия тюрков на византийскую жизнь и упоминания выходцев из тюркской среды. Этого не сказать об историографии первой половины XIV в., представленной мемуарной и апологетической «Историей» Иоанна Кантакузина (ок. 1292–1383) и историческим сочинением его идеологического противника Никифора Григора (ок. 1295–1360). Для обоих историков тюрки превратились в весьма болезненную, жгучую тему. Причем, оба автора весьма тенденциозно, хоть и каждый по-своему, развивают тюркскую проблематику. Григора, в силу его высоких классицизирующих интеллектуальных стандартов, вообще не склонен их лишней раз упоминать. Болезненность тюркской проблемы иначе проявила себя у Иоанна Кантакузина. С одной стороны, он так же, как и Григора, не склонен упоминать тюрков без особой нужды, но с другой стороны, изо всех сил стремясь оправдать свои союзы с «варварами», он зачастую дает совершенно неожиданную информацию, уникальную для всего корпуса византийской письменности. Из историографов последующей эпохи наиболее интересен для нас Дука (ок. 1400– после 1462). Дука, нередко описывает турецкие реалии, используя аутентичную турецкую терминологию, которую тут же переводит и растолковывает на греческом. Этим он словно стремился добиться научной точности в деконструкции всей предыстории падения Византийской цивилизации.

Следующий по значению пласт информации содержится в восточных нарративных источниках – персидских, арабских и турецких. Наиболее важные из них – сельджукские хронисты Ибн Биби и Аксарайи, мамлюкские историографы Мухи ал-Дин б. ‘Абд ал-Захир, Байбарс Мансури и др. Они в большей степени привлекались для реконструкции и уточнения необходимого для нашего исследования событийного фона, не всегда хорошо исследованного в современной историографии (как, например, история бегства сельджукского султана ‘Изз ал-Дина Кайкавуса II в Константинополь). Но есть и несколько исключений из общего правила: османская хроника Йазыджызадэ ‘Али дает уникальный материал о переселении в Византию множества кочевых тюрков в 1260-х гг., а иранский историк и географ Хафиз-и Аbru дает уникальную информацию о существовании крипто-мусульман на византийском Понте на рубеже XIV и XV вв.

Некоторая информация была почерпнута из западноевропейских нарративных текстов, которые, однако, совсем мало интересовались натурализовавшимися в Византии тюрками.

Богатый материал восточных влияний на дворцовый быт и византийскую чиновную иерархию содержат прозаические и поэтические «Табели о рангах», авторство которых в науке условно приписывается Псевдо-Кодину.

Византийская географическая и астрологическая литература имела решающее значение не только для уяснения содержания концепта «тюрков», но и для реконструкции нараставшего дрейфа византийской географической номенклатуры от старых названий к новым, тюркским. Крупницы информации (иногда весьма важные) обнаружались в византийской эпистолографии, народной литературе, каноническом праве, монатархских типаках, полемической литературе, агиографии. Данные материальных источников, как то печати, монеты, эпиграфика, несут мало прямой информации для нашей темы, но не без пользы привлекались их косвенные данные в качестве сравнительного материала.

Следует сказать, что все перечисленные типы и разновидности византийских текстуальных источников несут в себе в большей или меньшей мере лексические элементы, связанные с Востоком и Севером и, в частности, с тюрками. Источниками для нашего лексикографического анализа, представленного в гл. 4, явились, по существу, все жанры и типы греческих письменных источников. Наиболее информативными из них оказались утилитарные жанры – документальный материал, заметки купцов, астрологические тексты, в которых были слабы диглоссийные фильтры. Интересный лексический материал и уникальные сведения о византийских дворцовых янычарах содержат мемуарные записки Сильвестра Сиропула. Ценные данные о роли туркофонии в поздневизантийский период содержатся у Геннадия Схоластика.

Наконец, несмотря на свою малочисленность, особое место занимают изобразительные источники: в первую очередь, это венецианский кодекс середины XIV в. с самой ранней рукописью «Романа об Александре», богато украшенный миниатюрой. Изобразительный материал, имеющий отношение к византийским тюркам, содержится и в сигиллографии.

В качестве сравнительного материала привлекался широкий круг преимущественно византийских нарративных источников прежних эпох и, в особенности, X–XII вв. Наиболее полезными оказались Константин Багрянородный, Атталиат, Скилица, Анна Комнина, Иоанн Киннам, Птохопротром, Иоанн Цец, Евстафий Фессалоникийский и др.

Степень изученности темы

Первые важные шаги в сторону воссоздания механизмов разложения византизма под воздействием тюркского начала делались не столько в обобщающих историях, сколько в узкоспециальных работах, фокусировавшихся на исчерпывающем анализе компактных коллекций источников. Наиболее ранняя и яркая попытка такого рода была предпринята Альбертом Вехтером в небольшой монографии «Der Verfall des Griechentums in Kleinasien im XIV. Jahrhundert» (1903). Основываясь, преимущественно, на актах Константинопольского патриархата и *Notitiae episcopatum*, А. Вехтер убедительно продемонстрировал стремительно нараставший кризис в анатолийском христианстве в XIV в. А. Вехтер скуп на аналитические рассуждения, но сама идея рассмотреть изменения в организационных структурах Церкви в этно-культурном (а не только историко-церковном) ракурсе стоила многого. А. Вехтером был обозначен один из базовых индикаторов и, одновременно, действенных факторов угасания византизма на территориях, перешедших под контроль мусульман, а именно развернувшийся процесс *дехристианизации* и *деэллинизации* анатолийского этно-культурного пространства.

Следующий принципиальный шаг в осмыслении проблемы был сделан много десятилетий спустя Спирсом Врионисом (1970–1980-е гг.), выдающимся американским византинистом греческого происхождения, концепция которого органично включила в себя и развила подход А. Вехтера. В монографии и последующей серии статей Сп. Врионис открывает и обосновывает фактор *номадизации* наиболее густонаселенных и хозяйственно значимых регионов Анатолии, которая влекла за собой массовое и скоротечное вытеснение земледельцев-автохтонов с их земель. Освоение византийской Анатолии тюрками рассматривается Сп. Врионисом как следствие завоевания/миграции, которое вводило в действие на занятых землях два параллельных процесса – депопуляции территорий и исламизации тех греков, которые остались под властью тюрок. В течение нескольких лет занятые тюрками территории лишались большей части греческого населения, а оставшиеся греки скоро теряли свою конфессиональную и этническую идентичность. Два связанных процесса деэллинизации и исламизации, виртуозно продемонстрированные Сп. Врионисом на материале источников XI–XV вв., признаются в современной науке основными движущими силами в освоении тюрками византийского мира. Концепция Сп. Вриониса закрепляет за тюрками статус *внешней* по отношению к византийскому миру силы, разрушительные для эллиназма потенции которой реализовывались почти исключительно через или вследствие *открытого насилия*.

Однако концепции противостояния греческого и тюркского субстрата, несмотря на свою влияние и даже самоочевидность в контексте науки того времени, не были единственными. Совершенно новый подход к проблеме греко-тюркских взаимоотношений был в свое время предложен блестящим ученым Ф. Хаслуком (рубеж XIX и XX в.). Английский исследователь, на примере верований, суеверий, обычаев и магических обрядов, циркулировавших, по преимуществу, в низших социальных пластах анатолийского и балканского населения под властью тюрок, наглядно демонстрирует совершенно иной модус христианско-мусульманского взаимодействия и взаимопроникновения, которые зачастую результировались в некоем неразделимом синкретическом единстве элементов обеих религий и культур в сознании греческого и тюркского обывателя. Эта линия получила признание и дальнейшее развитие только после Второй мировой войны в преимущественно антропологических исследованиях, изучавших синкретические феномены в *переживаемой* низовой религиозности и культуре.

В последние десятилетия наиболее ярким исследователем симбиоза и взаимовлияния греческого и тюркского культурных элементов стал французский тюрколог и грецист Мишель Баливе (с 1980-х гг.), который, подобно У. Хаслуку, концентрируется на позитивных трансформациях византийского и тюркского культурных субстратов, приводивших к постепенному их сближению. Причем, М. Баливе с успехом делает это, в частности, и на византийском материале, составляя противовес концепции Сп. Вриониса. На основе широкого привлечения новейшего материала религиозных, культурных, политических контактов между греками и тюрками, французский исследователь, не отрицая самого наличия конфликта между Византией и тюрками в военно-политической сфере, объединяет византийский и тюркский элементы в пределах одного пространства, обладающего известным этно-культурным единством — «Романии-Рума», ибо не только греки трансформировали тюркский мир, но и тюрки в его концепции оказывают осязаемое влияние на греко-византийский субстрат на уровне народной культуры, повседневности и мистического интеллектуализма. В ходе контактов с мусульманским миром (как и с Латинским Западом), сама Византия претерпевала, хотя и скрытые, но несомненные перемены, равно как эволюционировали и тюрки, занявшие завоеванное ими «римское» (т.е. византийское) географическое пространство.

Нельзя не признать плодотворность подхода М. Баливе, который делает значительный шаг в реконструкции именно *микроуровня* контактов, некоего специфического пространства греко-тюркского «примирения» (*une aire de conciliation*).

Тем не менее, этот подход не особенно популярен в современной византистике. И этому есть довольно простое объяснение — концепция Сп. Вриониса более лаконично и точно обрисовывает суть греко-тюркской встречи как исторического феномена. Во-первых, все многообразие фактов взаимоотожествления греческого и тюркского элементов для греческой стороны явилось результатом *вынужденного и нежелательного приспособления* к внезапно изменившимся условиям, которые носили однозначно разрушительный характер для традиционных форм жизни автохтонов. Во-вторых, проблема греко-тюркского взаимодействия должна быть оценена в контексте ближайшей исторической перспективы, которая однозначно указывает на то, что главным результатом византийско-тюркских контактов явилось исчезновение самой Византии как цивилизационного феномена: было бы слишком рискованной и несправедливой натяжкой перетолковывать этот неоспоримый факт гибели цивилизации как некую метаморфозу Византии в новом тюркском/турецком образе. Концепция Сп. Вриониса в этом смысле более лаконично и точно обрисовывает эту конечную суть греко-тюркской встречи как исторического феномена.

Хотя избранный нами аспект византийско-тюркского взаимодействия в науке систематически не разрабатывался, однако его полноценное исследование не может обойтись без широкого фактографического и концептуального контекста. Этот контекст с неизбежностью учитывался и влиял на ход нашего исследования. Начнем с тех работ, которые (помимо упомянутых выше) оказались наиболее близки нашим задачам. Нельзя сказать, что проблема тюркского присутствия в Поздней Византии совсем не привлекала исследовательский интерес. Ныне не может быть сомнений в существовании тюркских поселенцев на византийских территориях. Вместе с тем, тюрки на византийских территориях до сих пор рассматриваются в рамках двух традиционных для византистики тем — «иностранцы в Византии» и «византийская аристократия». Первая тема «иностранцы в Византии» заострена на изучении торговцев, послов и других представителей иностранных государств, наемников-солдат, художников, путешественников, т.е. той категории лиц, которые являются иностранными подданными и находятся на территории империи лишь временно. В первую очередь, это несколько концептуальных работ, затронувших сюжеты, значимые для нашего исследования. Во-первых, это статья Сп. Вриониса «Византийское и тюркское общества и источники их людского ресурса». Сп. Врионис, рассуждая о территориальных потерях Византийской империи в последние столетия своего существования, совершенно правомерно ставит вопрос и о неизбежном параллельном истощении византийского людского ресурса.

Именно недостаток людского материала для армии и подвигало византийцев опираться на иностранных наемников, в первую очередь, тюрков. Это наблюдение Сп. Вриониса весьма важно для нас, подталкивая найти ответ и на следующий вопрос – а что, собственно, становилось потом с этой привлеченной людской силой? Другая работа, имеющая важные пересечения с нашим интересом, принадлежит Ангелики Лайу: «Иностранец и чужак в Византии XII в.: пути его умиротворения и аккультурации». Несмотря на то, что статья посвящена, во-первых, иностранцам, а во-вторых, выходит за наши хронологические рамки, ее концептуальный вектор имеет прямое отношение к рассматриваемой нами теме. Во-первых, в статье дается весьма детальная терминологическая проработка – подробно обсуждаются все возможные в греческих текстах определения и обозначения иностранца, чужака; во-вторых, обсуждаются традиционные византийские инструменты не столько даже «умиротворения» иностранца (как это определяет сама автор), сколько его ассимиляции и натурализации. Такой сдвиг в постановке вопроса заставляет нас искать в материале XIII–XV вв. ответы на вопрос, насколько осевшие в Византии тюрки продолжали считаться чужаками, а также проанализировать конкретные механизмы натурализации переселенцев. В концептуальном смысле важна статья Чарльза Брэнда, которая, однако, выходит за хронологические пределы нашего исследования. Исследователь дает скрупулезное описание тюрков в высших классах Византии XII в., подробно обсуждая пути их проникновения в византийское общество, отношение к ним их современников, их культурный уровень, восстанавливает их биографии. Хотя Ч. Брэнд и ставит вопрос о тюрках в средних и низших классах, однако убедительно развить эту тему ему не удается в силу опоры исключительно на нарративные источники.

Другая традиционная тема – «византийская аристократия», – прямо относится к предмету нашего исследования. Некоторые знатные индивиды и семьи тюркского происхождения удостоились специальных исследований (В. Лоран, П.И. Жаворонков). Однако этим работам, посвященным частным вопросам, не достаёт концептуального заряда, они менее важны для понимания роли тюркского элемента в византийском обществе.

Итак, как мы видим, внимание исследователей редко привлекает последующая судьба тюркских наемников и переселенцев, военнопленных и рабов, которые навсегда осели на территории империи. До сих пор отсутствует обобщающее исследование о роли тюркского элемента в этническом составе Поздней Византии: мы не знаем, представляли ли собой тюркские поселенцы компактные этнические группы? где они расселялись? и

даже – какова была их религиозная принадлежность? О натурализовавшихся на территории империи тюрках упоминают лишь походя.

Отправной точкой настоящего исследования является ономастический анализ личных имен и географических названий, сохранившихся в поздневизантийских источниках. Именно ономастика позволяет судить об этническом составе населения с относительно высокой точностью. Во многих случаях, ономастика позволяет восполнить лакуны в традиционных источниках. Поскольку этимологии лежат в основе многих разделов нашей работы, большое значение приобрели издания по лексикографии среднегреческого. Еще в начале XX в. была осознана необходимость сбора и анализа восточных заимствований в среднегреческом (М. Триандифилидис). Наша задача по сбору и этимологизации восточной ономастики в византийских текстах была облегчена фундаментальным двухтомным справочником Дь. Моравчика «*Byzantinoturcica*», изданном в исправленном и дополненном виде в 1958 г. В первом томе исследования дается наиболее полный для своего времени библиографический обзор истории тюркских народов с IV по XV в. в их отношении с Византией, весьма содержательный каталог византийских источников, содержащих сведения о тюрках с указанием рукописей, изданий и переводов. Для своего времени это наиболее полный справочный очерк по историографии и источниковедению, по своей значимости выходивший далеко за пределы византийско-тюркской проблематики. Второй том представляет собой словарь восточной ономастики в византийских текстах с IV по XV в., обнимающий антропонимику, топонимику и другую лексику, заимствованную византийцами. Лексике, вошедшей в словарь, даны этимологии, указываются не только источники, в которых встречаются эти слова, но и исследования, их обсуждающие. Дь. Моравчик стремился каталогизировать всю лексику, так или иначе касающуюся тюркских народов. Поэтому помимо тюркизмов в его справочник вошло и некоторое количество арабских и персидских слов, заимствованных тюрками. Дь. Моравчиком был выполнен titанический труд, который не потерял своего значения до сих пор. Однако у этого исследования есть и существенные недостатки. Из-за чрезвычайно широкого хронологического охвата, автору не всегда удается выдерживать заданный им самим высокий уровень скрупулезности исследования. Этимологии, предложенные автором, зачастую недостаточны и даже ошибочны. Несомненно, гигантский материал, собранный автором, требует сегодня существенного дополнения и серьезнейшего пересмотра.

Важны были общие работы по общей лексикографии среднегреческого (справочники Лидделл-Скотта, Лампэ и Софоклиса, Ш. Дюканжа, Э. Криараса, Э.

Траппа). Незаменимым ресурсом, в частности, для работы с лексическим материалом византийского времени является электронный портал The Thesaurus Linguae Graecae: A Digital Library of Greek Literature (University of California, Irvine, USA). Для работы с понтийским диалектом центральное значение имеет словарь А. Пападопулоса, охвативший как лексику XX в., так и прежних эпох, включая локальные диалекты. В сравнительном ключе использовался материал греческого диалекта Италии.

Между среднегреческим и новогреческим языками существует тесная преемственность, поэтому в нашей работе активно использовались словари по новогреческому языку – Н. Андриотиса, Г. Вавиниотиса, Д. Димитракоса. Приходилось обращаться и к специальным этимологическим словарям греческого, и к справочникам по средневековой латыни. Особую важность имеет небольшое исследование Д. Томпайдиса о тюркских фамильных именах у современных греков, мало известное византинистам. Заметное число имен, зафиксированных в справочнике Д. Томпайдиса, встречается и в поздневизантийской письменности. Восточные заимствования в среднегреческом в сравнительном ключе проверялись также и на предмет их вхождения в славянские языки XIX в. Весьма разнообразен и привлеченный материал по тюркскому, персидскому и арабскому языкознанию. Для анализа понтийского лексического материала привлекались справочники и по картвельским языкам.

Для включения наших результатов в социальный, культурный и политический контекст привлекался широкий пласт современной византиноведческой литературы. Именно для определения хронологии и хода византийско-тюркского политического соперничества в науке более всего сделано. Среди общих работ по истории Византии XIII–XV вв. это, в первую очередь, недавно опубликованные кэмбриджские «История христианства», «История средних веков», «История Византийской империи» и «История Турции», написанные ведущими британскими и американскими исследователями, и обобщающий коллективный труд французской школы «Византийский мир». Не потеряли своего значения и добротные компендиумы истории Поздней Византии А. Вакалопулоса и Д. Никола. Среди исследований, посвященных отдельным периодам политической истории, следует упомянуть работы О. Тафрала, Дж. Денниса, А. Лайу, У. Бош, Г. Вайса, Э. Захариаду, Дж. Баркера, Д.А. Коробейникова, коллективную монографию «Византийская дипломатия». Работа с трапезундским материалом значительно облегчилась благодаря недавней обобщающей монографии С.П. Карпова. Особое место занимает монография турецкой византинистки Невры Неджипоглу «Византия между османами и латинянами», которая примечательна во многих смыслах. В основной части

своего исследования Н. Неджипоглу фокусируется на трансформации политической, социальной и экономической жизни византийского общества под воздействием османского завоевания в период с середины XIV в. и до 1453 г. В монографии в отдельных очерках рассматриваются три наиболее значимых византийских региона того времени: Фессалоника, Константинополь и Морея. Материал собранный исследовательницей чрезвычайно богат и добротен, а в силу избранного аналитического ракурса во многих случаях инновационен. Однако и в этой работе тюркское начало рассматривается как внешняя сила. В рассмотрении византийско-турецкого противостояния Н. Неджипоглу, несомненно, делает значительный шаг вперед по сравнению с предыдущей историографией: она показывает, что взаимоотношения между обоими субъектами не сводились только к противостоянию (как это представлялось раньше), но включали в себя и элементы взаимной адаптации (*accommodation*).

Интеллектуальная история Поздней Византии изучена в науке хорошо, что явилось значительным подспорьем при написании данной работы. Помимо ставших уже классическими работ Г.-Г. Бека, Г. Хунгера, И. Шевченко, И.П. Медведева, А.П. Каждана, М.А. Поляковской, Ф. Тиннефельда и др. наибольшее значение имели недавние обобщающие монографии по различным аспектам византийской идентичности (Д. Ангелова, А. Калделлиса, Дж. Пейджа). Специальные исследования по христианско-мусульманской полемике давали сравнительный материал и необходимую перспективу для наших рассуждений о месте конфессионального фактора для натурализации византийских тюрок (А. Хури, И. Мейендорф, К.И. Лобовикова, М. Баливэ). Сюжеты, связанные с экономической историей, выверялись по работам ведущих отечественных византистов С.П. Карпова, А.П. Каждана, К.В. Хвостовой, а также по фундаментальной коллективной монографии под редакцией А. Лайу, монографиям М. Хэнди, и совместной книги А. Лайу и С. Моррисон, фундаментальный труд по социальным и хозяйственным структурам К.-П. Мачке и Ф. Тиннефельда.

Наконец, особый разряд исследований, привлекавшийся нами, касается особенностей аллологической интерпретации источников. Это, в первую очередь, работы философов и философов культуры Э. Гуссерля, Ж. Дерриды, М. Бубера, Ж. Делеза, Б. Вальденфельса, В. Подороги, З.Р. Хестанова В.Н. Топорова и др., которые позволили нам применить специфические аллологические подходы к византийскому материалу.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что избранная нами исследовательская стратегия лишь отчасти пересекается с традиционными подходами к

византийско-тюркской проблематике. Мы, придерживаясь линии А. Вехтера и Сп. Вриониса, продолжаем интерпретировать греко-тюркскую встречу в ракурсе цивилизационного конфликта по преимуществу, конфликта гибельного для одной из сторон. Однако материал византийско-тюркских контактов, извлекаемый из корпуса разнообразных письменных и материальных источников позволяет существенно скорректировать и дополнить общие установки современных концепций. Сближаясь с М. Баливе, мы склонны рассматривать тюркское начало не только как *внешний* военно-политический фактор, воздействовавший на византийскую цивилизацию извне, но, по крайней мере с XIII в., и как один из действенных социальных и культурных элементов, трансформирующих сам византизм. Однако для нас очевидна существенная недостаточность описанных выше подходов. Ни концепция противостояния, ни концепция взаимоуподобления не выходит за пределы бинарной исследовательской стратегии «влияний», рассматривающей византийский и тюркский элементы, как внешние по отношению друг к другу субъекты. Необходимо интериоризировать проблему тюркского влияния и рассмотреть, насколько глубоко проник тюркский элемент в толщу византийской культуры и в каком направлении он трансформировал византийские общество и культуру. В настоящей работе я предлагаю описать тюркское начало как один из элементов самой поздневизантийской цивилизации. Этот специфический ракурс отличает наш подход и от последователей концепции противостояния, и от тех, кто развивает концепции взаимоуподобления греков и тюрков. Еще одно существенное возражение по поводу имеющихся подходов. Как известно, после катастрофы 1204 г. византийский мир распался на два главенствующих анклава: первый в рамках настоящей работы мы будем называть *западновизантийским*, обнимающим Никейскую и Палеологовскую империи и византийский Эпир, и второй – *восточновизантийский*, совпадающий с границами Трапезундской империи. В историографии до сих пор не делалось попыток систематически изучить региональные особенности взаимоотношений этих анклавов с тюркским началом, а как показывают частные исследования такие особенности, несомненно, имели место быть. Реконструкция двух моделей реакции на тюркский культурный субстрат (западновизантийской и восточновизантийской) и их систематическое сравнение могло бы дать новую значимую информацию для углубления нашего понимания поздневизантийской ойкумены и конечных судеб византизма. Как Сп. Врионис, так и М. Баливе концентрируются почти исключительно на взаимодействии византийцев и азиатских тюрков, упуская из вида, что существовала и другая парадигма – взаимоотношения византийцев и балканских тюрков-кочевников, которые

продолжались с средневизантийского периода вплоть до завоевания османами Балкан в последней четверти XIV в. Само собой разумеется, что это упущение с необходимостью должно быть восполнено; сравнительный анализ «анатолийской» и «балканской» парадигм может открыть новые ракурсы проблемы.

Таким образом, две центральные проблемы из интересующих нас в данной работе, – 1) наличие компактных групп тюркского натурализованного населения в Поздней Византии (т.е. проблема «византийских тюрков») и 2) трансформация византийской ментальности в результате присутствия внутри византийского цивилизационного горизонта двуязычных (тюрко- и грекоязычных) «византийских тюрков», – в таком виде до публикации наших работ в отечественной и мировой историографии не ставились. Сам термин «византийские тюрки» в качестве научного концепта был впервые введен нами. В нашей трактовке византийские тюрки рассматриваются, так сказать, феноменологически, т.е. делается попытка описать феномен византийских тюрков системно и всеобъемлюще, с учетом всех возможных связей и коннотаций социального и культурного плана. Новым является и систематическое сопоставление, во-первых, западновизантийского и восточновизантийского ареалов, а во-вторых, анатолийского и северопричерноморского тюркских этнокультурных элементов в их взаимодействии с византийским субстратом. Наконец, инновативным является и один из центральных выводов нашего исследования, касающийся результатов византийско-тюркского взаимодействия, которое, в частности, описывается нами как процесс «латентной тюркизации». Концепт «латентной тюркизации» был введен нами еще в 1995–1996 гг.

Практическая значимость работы. Нами выработаны частные методики реконструкции этнического состава византийского населения, а также новые подходы для обнаружения и интерпретации существенных ментальных сдвигов в ходе межкультурных и межэтнических контактов. Фактический материал, собранный в диссертации может быть использован при написании учебников и учебных пособий по истории Византии, средневековой Турции, государств и народов Северного Причерноморья и Ближнего Востока, при написании обобщающих работ по истории Восточного Средиземноморья, при подготовке общих и специальных курсов по истории Средних веков, Византии, а также по историографии и источниковедению. Полученные результаты могут быть использованы и лингвистами, в особенности, специалистами по средневековой греческой, турецкой и персидской диалектологии и фонологии. Материалы диссертации могут быть

привлечены и для создания учебных и исследовательских текстов по сравнительной культурологии.

Апробация материалов исследования

Основные результаты исследования излагались на международных научных конференциях и в расширенных персональных докладах на профильных семинарах в зарубежных и российских университетах и академических институтах, в которые диссертант приглашался. Среди наиболее важных и престижных в академическом мире конференций следует упомянуть следующие:

- международные конгрессы византистов (International Congress of Byzantine Studies) в августе 1991 г. (XVIII конгресс, Москва, СССР); в августе 1996 (XIX конгресс, Копенгаген, Дания); в августе 2001 г. (XX конгресс, Париж, Франция); в августе 2006 г. (XXI конгресс, Лондон, Великобритания); в августе 2011 г. (XXII конгресс, София, Болгария);

- другие международные конгрессы по византистике, медиевистике и востоковедению, как то в июле 1999 г. на Международном медиевистическом конгрессе (Лидс, Великобритания); в марте 1999 г. на XXXIII Spring Symposium of Byzantine Studies (Ворик, Великобритания); в ноябре 1998 г. на Trabzon Tarihi Sempozyumu (Трабзон, Турция); в ноябре 2006 г. на Trabzon Tarihi Sempozyumu (Трабзон, Турция); в июле 2007 на First International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium (Стамбул, Турция); в октябре 2010 г. на международном конгрессе «Мир Ислама: история, общество, культура» (в Фонде «Марджани», Москва);

- российские специализированные научные форумы, в частности, на 15, 16, 17 и 19 Всероссийских сессиях византистов в 1999, 2002, 2005, 2011 гг.; в феврале 2006 г. на круглом столе «Потестарная имагология» (ИВИ РАН, Москва); в апреле 2010 г. на Ломоносовских чтениях (МГУ, Москва);

- международные специализированные конференции, симпозиумы и круглые столы, в частности, в феврале 1995 г. на “7th Pontic day”, Университет Ньюкасла, Великобритания); в октябре 1996 г. на конференции “The Black Sea, a Gate to Europe” (Константа, Румыния); в мае 1997 г. на “8th Pontic Day” (Бирмингемский университет, Великобритания); в ноябре 1997 г. на “8th Symposion Byzantinon” (Страсбургский университет, Франция); в ноябре 2001 г. на конференции “Anthropology, Archeology and Heritage in the Balkans and Anatolia or The Life and Times of F.W. Hasluck (1878-1920)” (Уэльсский университет, Грегенок, Великобритания); октябрь 2002 г. на конференции

“La Persia e Bisanzio” (в Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Рим, Италия); в апреле 2003 г. на конференции “Cristianità d'occidente e cristianità d'oriente (secoli VI-XI)” (в CISAM, Сполето, Италия); в марте 2004 г. на круглом столе в Curriculum Resource Center (Central European University, Будапешт, Венгрия); в марте 2005 г. на конференции “A Mosaic of Cultures” (Вилланова, США); в марте 2006 г. на коллоквиуме “Christianity and Languages of ‘National’ Identity in South-Eastern, Central and Eastern Europe. Middle-Ages – Early Modern Period” (Central European University, Будапешт, Венгрия); в марте 2007 г. на коллоквиуме “The Eastern Mediterranean in the Thirteenth Century: Building a Prosopographical Methodology of Identities and Allegiance” (в The British Academy, Лондон, Великобритания); в мае 2007 г. на симпозиуме “At the Crossroads of Empires: 14th-15th Century Eastern Anatolia” (организаторы Institut Français d’Etudes Anatoliennes – Georges Dumézil, The Koc Center for Anatolian Studies, Стамбул, Турция); в октябре 2007 г. на конференции “XLIV Convegno storico internazionale «L’Europa dopo la caduta di Costantinopoli: 29 maggio 1453»” (в Fondazione CISAM, Тоди, Италия); в мае 2009 г. на конференции «Christianity in the East: Fostering Understandings» (Университет Бригам Янга, Солт-Лейк-Сити, США); в октябре 2009 г. на конференции “Court and Society in Seljuk Anatolia” (в Orient-Institut, Стамбул, Турция); в октябре 2010 г. на конференции “Double Headed Eagle - Byzanz and the Seljuks between the late 11th and 13th Centuries in Anatolia” (в Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Майнц, Германия);

– расширенные персональные доклады на профильных семинарах, в частности, в феврале 1995 г. в Бирмингемском университете (Великобритания); в ноябре 1996 г. в «Центре по изучению Византии» в ИВИ РАН (Москва); в мае 1997 г. в Ньюкальском университете (Великобритания); в мае 1998 г. в “Harriman Institute” (Columbia University, Нью-Йорк, США); в мае 1998 г. в “Sp. Basil Vryonis Center” (Сакраменто, США); в декабре 1998 г. в Университете Лодзи (Лодзь, Польша); в мае 2005 г. в “Dumbarton Oaks Byzantine Library and Research Center” (Вашингтон, США); в октябре 2008 г. в Университете Поль-Валери (Монпелье, Франция); в феврале 2009 г. в Отделе сравнительного культуроведения ИВ РАН (Москва); в ноябре 2011 г. в Университете Поль-Валери (Монпелье, Франция).

Большинство докладов, прошедших апробацию на зарубежных международных форумах, были опубликованы в виде статей в странах проведения этих конференций на английском и турецком языках. Результаты исследований, легших в основу диссертации, опубликованы в одной монографии и в более чем 80 научных статьях общим объемом 110 а.л. Текст диссертации был обсужден и рекомендован к защите на заседании кафедры

истории Средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 21 октября 2011 года.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений (включая библиографические сокращения) и списка цитируемых источников и исследований. Текст всех четырех глав иллюстрирован таблицами, картами и изобразительным материалом. Все главы завершаются особым разделом промежуточных выводов. Главы 2, 3, 4 снабжены приложениями, в которых содержатся исследования частных вопросов, карты и изобразительный материал, не вошедшие в основной текст. Структура диссертации обусловлена самой логикой исследования, каждая глава посвящена гомогенному комплексу проблем. Логика построения диссертации отражает развитие нашей аргументации по сформулированным во введении исследовательским проблемам.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении**, состоящем из 5 параграфов, формулируется исследовательская проблема, обсуждаются предмет, цели и задачи исследования, его актуальность, обосновываются хронологические и географические рамки, а также дан обзор источников, использованных для разработки поставленных проблем, и предшествующей историографии. Особо отмечается, что в этой работе диссертант стремился избежать нежелательного упрощения, неизбежного при выстраивании унитарной концептуальной перспективы. Многие из обсуждаемых в книге феноменов византийского сознания содержали в себе заметную долю противоречивости. Противоречивость была обусловлена богатством и исключительным разнообразием воспринятых от прошлого гетерогенных традиций (полисная аттическая, имперская эллинистическая, римские республиканская и имперская, семитская христианская и т.д.), которые подвергались непрерывной переоценке и модификации в потоке исторической реальности. Унитарные объяснения нередко подводят под общий знаменатель явления, на наш взгляд, не сопоставимые. Наша стратегия заключается в том, чтобы напротив – как можно более контрастно обозначить выявляемые противоречия в византийском сознании, а также попытаться объяснить те механизмы нивелирования противоречий, которые позволяли культуре сохранять целостность и жизнеспособность. Введение завершается кратким планом последующего исследования.

В первой главе «Византийская классификация тюрков: образы и знание», состоящей из 14 параграфов, дается определение базовых параметров концепта «тюрки» в византийской культуре в широком смысле. Если тема «образ тюрков в византийской литературе» изучена хорошо, то само содержание и критерий маркировки «тюрков» осталось за пределом внимания исследователей. Для решения этой задачи мы попытались реконструировать эпистемологические модели, которые лежали в основе византийской классификации народов. Это позволило сделать и следующий шаг – выявить таксономическую шкалу разных подтипов тюрков, известных византийцам. Главными критериями классификации народов (и в частности, тюрков) были локативные и социокультурные признаки, которые восходили к изначально астрологической теории климатов. Если эти компоненты эпистемологической модели были восприняты византийцами от античности, то в последующие эпохи христианство привнесло в идентификационную парадигму еще и конфессиональный критерий, который исследуется нами в отдельном разделе. Таким образом, мы стремились определить те линии различия «чужого» и «своего», которые были бы значимы при «натурализации» и ассимиляции тюрков в византийском обществе. Тем самым мы проясняли что означала для византийцев «натурализация варваров» и их включение в византийское общество. Византийцы различали две главные разновидности тюрков – 1) северные тюрки, которые чаще всего именовались «скифами», и 2) восточные тюрки, чаще всего маркировавшиеся как «персы». Это базовое разделение опиралось на локативный критерий. Термины «скиф» и «перс» были наполнены для византийца совершенно конкретным социокультурным содержанием. В XI–XV вв. византийцы не путали эти две разновидности тюрков ни в обыденной жизни, ни в текстах разных жанров, хотя и знали о генетическом единстве тех и других. В то же время, языковой критерий, господствующий ныне в современных этнических таксономиях, был настолько мало интересен для византийского мышления, что язык анатолийских тюрков («персов») мог определяться и как «персидский», и как «тюркский» в зависимости от стилистических предпочтений автора. Много более существенной чем язык для византийской ментальности была проблема конфессиональной идентичности. Византийцы последовательно препятствовали межконфессиональным бракам, по крайней мере, с XI в. Весьма строго ими соблюдались правила крещения эмигрантов как греческого, так и негреческого происхождения. Хотя мы располагаем по большей части данными по анатолийским переселенцам, однако они вполне могут быть экстраполированы и на дунайских тюрков. Подданными византийского императора могли быть только православные христиане. Свободно

исповедовать ислам на византийской территории могли только подданные мусульманских государей, включая торговцев и дипломатов. Следовательно, все переселенцы на территорию империи – как «скифы», так и «персы» – с необходимостью обращались в христианство.

В главе второй «Тюрки в западновизантийских землях» исследуется тюркское население западновизантийских земель в XIII–XV вв. Глава разбита на пять частей. В **первой части** «Вводные замечания», состоящей из 6 параграфов, подробно обсуждена методика ономастических исследований в применении к нашей теме, их преимущества и ограничения. Во **второй части** «"Скифы" и "персы"» (7 параграфов) на основе анализа антропонимики и топонимики исследуется состав тюркского населения на византийских землях в Малой Азии и на Балканах, обсуждаются пути и масштабы проникновения «варваров» в Византию в разные эпохи. Анализируются четыре наиболее значимых периода, в которые происходила наиболее активная инфильтрация тюрков в пределы империи Палеологов: 1260-е гг., конец XIII в., первая половина XIV в. и, наконец, начало XV в. В **третьей части** «Расселение тюрков: прецедент Македонии», состоящей из 5 параграфов, делается попытка выявления закономерностей в расселении тюркских эмигрантов в Македонии, демография которой наиболее подробно документирована в источниках. В Македонии выделяется несколько районов концентрации тюркского населения (долины Стримона, Каламария, район Веррин, долина Вардара), что указывает на наличие у византийской администрации осознанной политики в отношении эмигрантов. **Четвертая часть** «Тюркская знать» (3 параграфа) дает не только общий обзор тюркской знати на службе Ласкарей и Палеологов, но и содержит просопографическое исследование знатных семей Иагупов и Анатавлов. Подробное описание этих двух семейств создает представление о судьбах натурализовавшихся в Византии тюрков. В итоге анализа биографий отдельных членов знатных фамилий удалось установить, что в семьях присутствовала профессиональная преемственность на протяжении нескольких поколений. Очевидна преемственность и в статусе фамилий – знать средней руки так и оставалась в среднем регистре аристократии, а наиболее знатные семьи Султанов и Меликов сохраняли свои связи с правящим домом. Наконец, **пятая часть** «Ассимиляционные механизмы», состоящая из 7 параграфов, обсуждает мотивацию тюркских эмигрантов, анализирует специфические парадигмы ассимиляции желательных и отторжения нежелательных эмигрантов, бытовавшие в византийском социуме, ставит вопрос о наличии особого тюркского этнического «меньшинства» в византийском обществе. Ономастический материал дает неопровержимые свидетельства наличия

индивидов и групп тюркского происхождения в составе византийского населения. Тюрки присутствовали во всех стратах общества. Среди них были как «персы», так и «скифы», причем первые значительно преобладали. Ок. 31 % носителей восточных имен в византийской Македонии были париками. Относительно мало выходцев с Востока среди клириков и монахов – лишь 7 %. Весьма заметным было присутствие тюрков в составе средней и высшей аристократии (для Македонии – 32 % от всего списка восточных эмигрантов), что указывало на высокую вертикальную мобильность западновизантийских обществ.

Несмотря на традиционное равнодушие византийских авторов к проблеме проникновения «варваров» на земли империи, удалось установить, что наиболее мощная волна переселений за весь Поздневизантийский период приходится на 1260-е гг., когда многие тысячи «персов», как оседлых, так и кочевых оказались в империи. Поначалу они имели статус иностранных подданных, но с бегством их государя султана 'Изз ал-Дина Кайкавуса II подавляющее большинство тюрков, находившихся в оседлых районах Фракии и Македонии, перешло в византийское подданство. Число переселенцев в первой половине XIV в. было также весьма значительным, однако нарративные источники не содержат никаких указаний на хотя бы относительные цифры. В этом случае на помощь приходят данные антропонимики – наибольший прирост «персидских» и «скифских» имен для Македонии приходится как раз на первую половину XIV в. – 56% все «персидских» имен и 87% – «скифских». Это ясно указывает на значительный приток эмигрантов как с юга, так и с севера.

Однако со второй половины XIV в. наблюдается резкое падение числ византийских тюрков в Македонии. В Константинополе не наблюдалось такого резкого падения численности носителей азиатских имен в период с середины XIV в. и до падения империи. Это означает, что с оскудением византийской казны, а потом и потерей Македонии и Фракии в пользу турок, в сельских районах феномен «византийских тюрков» прекращает свое существование; его заместят в ближайшем будущем иные реалии. Но это не касалось Константинополя, в котором тюрки продолжают селиться. Хотя в силу особенностей источниковой базы сейчас трудно судить об истинных масштабах проникновения тюрков в столицу.

Главным орудием натурализации пришельцев было обращение в христианство сопутствующая эллинизация. Второе поколение эмигрантов, как правило, было вполне эллинизированным. Тем не менее, некоторые признаки позволяют говорить о восприятии

византийских тюрок греческим большинством как этнического меньшинства, отличного от автохтонного населения.

Глава третья «Тюркские поселенцы на византийском Понте», состоящая из 8 параграфов, посвящена составу, численности и расселению тюркских эмигрантов на территории Трапезундской империи. Она также по преимуществу построена на материале ономастики. В главе целиком приводится база данных выходцев с Востока, выделяются субэтнические типы эмигрантов, что позволяет с большей легкостью визуализировать социальный состав и место в обществе «византийских тюрок». В главе также анализируется место кочевого элемента в общей массе тюркского населения, обсуждаются пути проникновения тюрок на территорию империи. Важное место занимает проблема «крипто-мусульман» на Понте и обсуждение возможных причин появления этого феномена на территории Трапезундской империи. В Приложении к главе будут обсуждены отдельные вопросы генеалогического и просопографического характера, а также даны карты расселения тюрок на территории империи. Проникновение восточных «варваров» на территорию Трапезундской империи имело относительно более широкий характер, в сравнении с западновизантийским миром. Много сложней был и этнический состав натурализовавшихся эмигрантов: это не только тюрки, но и арабы, моголы, курды, иранцы. Среди тюркских поселенцев были и огузы, и кыпчаки. Социальный состав эмигрантов поражает своей гомогенностью: среди них мало париков и рабов, но также и аристократии; подавляющее большинство выходцев с Востока принадлежало к средним слоям населения. На трапезундской территории присутствовали как оседлые выходцы с Востока, так и тюркские кочевники, причем последние также принимали христианство и постепенно переходили на греческий язык. Однако большинство из выделенных нами азиатских эмигрантов известны только по именам, поэтому пока трудно судить об особенностях их адаптации в понтийских условиях. Низкий процент представителей низших классов среди эмигрантов (лишь 12 % носителей восточных имен были париками), по-видимому, указывает на изначально довольно высокий их статус: изначально, вероятно, среди них было мало рабов, они наделялись землей и обеспечивались ремесленными профессиями как свободные. Относительно много выходцев с Востока среди клириков и монахов – 16 %. Низкий процент присутствия эмигрантов в среде знати (от силы лишь 18 %), по-видимому, объясняется сугубой корпоративностью трапезундского общества, в котором доминировали греческие и картвельские знатные кланы, часто предопределявшие внутривластную жизнь. При этом заслуживает внимание и то обстоятельство, что эмигранты, по-видимому, не играли

большой роли в трапезундской армии: границы империи были стабильны и она не испытывала недостатка в собственном человеческом ресурсе, подобно Палеологовскому государству. Не исключено, что христианизация эмигрантов на территории империи не всегда была эффективной. Для рубежа XIV–XV вв. источник фиксирует на Понте группу крипто-мусульман. Есть основания предполагать, что в первой половине XV в. часть выходцев с Востока сохраняло свою мусульманскую идентичность.

Наконец, **четвертая глава «Слова, вещи, люди: туркофония в Византии»**, состоящая из 16 параграфов, обсуждает тюркские влияния на лексику и идиоматику среднегреческого языка, вводит обнаруженные лингвистические элементы в широкий исторический и антропологический контекст. В ней анализируется влияние тюрков в византийском обществе на дворцовый быт, жизнь средних и низших классов. Наше исследование показало, что значительная часть арабской лексики, вошедшей в среднегреческий в XIII–XV вв. (а частью и более ранняя), была воспринята греками через тюркскую передачу. При этом, важно отметить, что сами тюрки в большинстве случаев воспринимали ее скорее всего из персидской языковой среды, но не напрямую из арабской. Византийские письменные источники указывают на циркуляцию в греческой среде значительного числа заимствований из тюркского. Эти заимствования свидетельствуют о присутствии на византийских территориях относительно многочисленных и лингвистически влиятельных групп носителей тюркского языка (или языков), которые и изменяли языковую ситуацию на византийских территориях. Эти тюрки, подданные византийских государей, мы называем тюркоязычными византийцами: которые натурализовались в византийском обществе, но сохранили тюркский язык. Внешнее давление тюрков на Палеологовскую и Великокомнинскую империю, присутствие тюркского этнического элемента в самой византийской среде вызвало жизни целый ряд вторичных трансформаций. Признаки тюркизации фиксируются в военной сфере, в дворцовом, городском и сельском быте, что в наличном комплексе источников выражается в появлении новой тюркской терминологии и в вытеснении тюркизмами старых греческих именований. Данные фонологического лингвистического анализа современных тюркских понтийских говоров позволяют предполагать, что, в крайней мере, на Понте уже в XIV в. существовали группы двуязычного (тюрко-грекоязычного) населения. Можно предполагать, что такого рода двуязычное население существовало и на Балканах. Балканский материал XIV–XV вв. позволяет заключить, что часть византийцев в той или иной мере знала тюркский и разговаривала с тюрками на этом языке. В Византийском мире принимает заметные масштабы греко-тюркое двуязычие

Нарастающее проникновение тюркских языковых элементов в среднегреческом указывает на распространенность туркофонии в византийской среде, главным проводником которой были византийские турки. Источники сохранили имена византийцев, которые свободно говорили на тюркском. Более того, можно думать, что ко времени падения империи большинство византийцев в той или иной мере знали тюркский. Как мы показали, распространение тюркского языка в византийской среде лишь усиливалось к концу существования империи.

В связи со сказанным можно сделать следующий немаловажный вывод: в структуре византийско-тюркских контактов необходимо развести два их аспекта, присутствующие в современных историографических концепциях в нераздельном единстве – (1) конфессиональный (исламо-христианский конфликт и связанная с ним исламизация), (2) этнический (тюрко-греческий конфликт и связанная с ним тюркизация). В контексте конкретных прецедентов конфессиональный и этнический аспекты далеко не всегда совпадали друг с другом или сопутствовали друг другу. В случае византийских балканского и понтийского обществ внедрение тюркских элементов (этнических, языковых, бытовых) в греческую среду не только не сопутствовало исламизации греческого общества, но, напротив, зачастую предполагало христианизацию самих носителей этих чужеродных элементов.

Рассмотренные в данной работе факты восточного влияния на греческое общество мы определяем как проявление одного из самых ранних этапов тюркской этнической экспансии на византийских территориях, длившегося вплоть до достижения в нем тюрками политического господства. Смысл и последствия тюрко-греческого этнического и культурного «взаимообмена» в поздневизантийский период должны быть рассмотрены в исторической перспективе, с точки зрения долгосрочных его последствий. Захват османами Константинополя в 1453 г., равно как и падение Трапезунда в 1461 г., несомненно, оказались подготовленными подспудной и слабо отраженной современными источниками тюркизацией самого византийского общества: тюркский язык, тюркский быт, многочисленные реалии соседнего тюркского мира к середине XV в. были хорошо знакомы, привычны, а может быть, и близки византийцам. Тюркское мирное проникновение в греческую среду, рассмотренное в этой конечной катастрофической перспективе, предстает особым латентным этапом тюркской экспансии, внесшим свою лепту в политический разгром поздневизантийских государств и последующие витки тюркизации. Тюркизация зачастую являлась не только и не столько следствием установления тюркского политического господства на византийских территориях, сколько

одной из причин, обусловивших политическое поражение византийской государственности.

Таким образом, под латентной тюркизацией, проиллюстрированной в настоящей работе, мы понимаем целый комплекс изменений в недрах византийской цивилизации, в первую очередь, в обыденной ментальности византийцев, происходивших под воздействием тюрков. Характер собранного нами материала заставляет нас расценивать эти изменения не столько как следствие «взаимовыгодного культурного обмена», обогатившего византийский субстрат, сколько как один из разрушительных факторов, который, одновременно с нарастанием военно-политического соперничества, подспудно подрывал самоидентичность византизма, видоизменял его традиционные ценностные ориентации. «Латентными» или «скрытыми» мы называем эти видоизменения оттого, что они представляли собою подспудный процесс, неосознаваемый ни субъектами, ни объектами тюркизации.

В **Заключении** подводятся наиболее существенные результаты исследования, дается итоговое сравнение западновизантийского и восточновизантийского цивилизационных ареалов. Наше исследование предоставляет доказательства физического присутствия на византийских территориях тюрков, расселившихся там как подданные византийских императоров. Этих натурализовавшихся тюрков целесообразно выделять в особый разряд византийского населения – «византийских тюрков», тем самым отличая их от подданных иностранной державы, которые всегда присутствовали на территории империи. Византийские тюрки, как правило, переходили в христианство, чаще всего сочетались браком с местными (греками, славянами и т.д.); принятие христианства и поселение на византийской территории ставило их под юрисдикцию римского права и делало их полноценными гражданами; в зависимости от обстоятельств в результате их натурализации они могли быть наделены землей и другой собственностью, чинами. Как удалось установить, многие из византийских тюрков являлись бывшими и действующими военными и членами их семей, а также рабами-военнопленными. Второе поколение «варваров» хотя в культурном смысле (но ни в коем случае не юридическом) выделялось самими коренными византийцами, однако в большинстве случаев было целиком интегрировано в местную культуру и говорило на греческом языке; среди представителей второго поколения немало интеллектуалов (монахов, священников, писцов и т.д.) Данные как балканских, так и понтийских актов демонстрируют проникновение «варваров» преимущественно в средние и низшие слои византийского общества. Перечисленные аспекты являются общими для средневизантийского

поздневизантийского периодов, отражая базовые модели натурализации «варваров» (будь то западных или восточных) в византийском мире. В этих аспектах западновизантийские земли и Понт не многим отличались друг от друга. Однако западновизантийская и понтийская парадигмы тюркского присутствия демонстрируют и весьма существенные различия.

1. Во-первых, это различие в распределении тюрков-эмигрантов по социальной шкале общества. Очевидно, что было бы некорректным сравнивать количественные показатели по всему западновизантийскому региону с соответствующими данными по византийскому Понту. Для сравнения представляется более логичным взять равновеликий Понту регион, например, Македонию, население которой по численности было сравнимо с понтийским. Сходство Македонии и Понта усиливается и тем, что оба региона преимущественно аграрные, в них располагался один крупный городской центр (Фессалоника, Трапезунд) и несколько средних и мелких городов. В понтийском списке восточных имен численно зафиксировано много меньше париков (крестьян, как правило, низшего социального и имущественного статуса), чем в Македонии. Другое отличие – на Понте выходцев с Востока. Еще одно существенное отличие касается высших классов: в Македонии вдвое больше носителей восточных имен, чем на Понте относилось к высшим слоям общества (аристократия, чиновничество). Из этого сопоставления можно сделать целый ряд важных выводов. Во-первых, как представляется, македонское общество было в некотором смысле более закрытым по отношению к тюркским эмигрантам вообще, нежели понтийское. Поселившиеся в Македонии тюрки занимали заведомо более низкое положение, чем автохтоны; они часто оказываются париками, пути полной аккультурации и вхождения в разряд «интеллектуалов» (клириков, монахов, нотариусов и т.д.) если и не были закрыты для них и их потомков, то весьма затруднены. Напротив, на Понте тюркские поселенцы редко попадали в самые низы общества, быстрее ассимилировались, они сами или их потомки вскоре могли пополнить состав среднего чиновничества, клира и монашества. Во-вторых, как это ни парадоксально, при отмеченной закрытости македонское общество в большей степени, нежели Понт, было открытым для знатных тюрков – преимущественно военной знати, высокопоставленных анатолийских эмиров, тюркских командиров-пронияров. Этому может быть единственное объяснение – Палеологи в неизмеримо большей степени, чем Великие Комнины, опирались на тюркских наемников. По всей видимости, именно непрерывный приток тюрков в палеологовскую военную машину, более того, ставка именно на тюркскую живую силу в Палеологовской армии привели к сложению целого слоя знати и высших военачальников

с тюркскими корнями. Трапезунд, как представляется, в меньшей степени пользовался услугами тюркских наемников, рассчитывая, по-видимому, на автохтонную живую силу. Похоже, только дворцовые гвардейские подразделения в Трапезунде (амирджандары, хурджериоты) имели генетическую связь с тюркскими наемниками. В Трапезундской империи из среды тюркских эмигрантов не вышло ни одной по-настоящему знатной семьи, сравнимой по влиянию с могущественными кланами Схолариев, Доранитов, Кавацитов и т.д. Это существенно отличает понтийскую ситуацию от западновизантийской, где несколько тюркских фамилий оказалось на высшей иерархической ступени социальной иерархии (Султаны, Малики), а еще больше тюрки влились в средний слой аристократии (Газисы, Иакубы, Анатавлы и т.д.). Трапезундское общество было во много большей степени корпоративным, чем западновизантийское (балканское и западноанатолийское). Многочисленные знатные роды на Понте сохраняли свое единство в течение многих поколений, каждый из этих родов выступал как консолидированная сила в политической борьбе. Временами роды объединялись против императорской власти, временами сталкивались друг с другом в соперничестве за контроль над империей. Сами Великие Комнины воспроизводили ту же модель, выступая скорее как знатный род наряду с другими аристократическими кланами и отличаясь от последних лишь своей имперской харизмой. На византийском Понте, в силу клановости элиты, вертикальная мобильность (особенно, в самых высших стратах общества) была много слабее, чем на западновизантийских территориях, где гражданская, гражданско-парламентская парадигма продолжала играть существенную роль. Этим и можно объяснить сравнительную легкость проникновения тюркских эмигрантов в палеологовскую аристократию в сравнении с понтийской ситуацией.

2. Другое важное отличие западновизантийской и понтийской парадигм. На Балканах верхняя точка переселений как анатолийских тюрок, так и кыпчаков приходится на вторую половину XIII в. и первую половину XIV в. Черная смерть оказала существенное влияние на азиатских эмигрантов, число которых резко сократилось к второй половине XIV в. Анализ понтийской антропонимики указывает на то, что в XIII в. приток тюрок в Трапезундскую империю наблюдается всплеск, в XIV в. приток сокращается, но в первой половине XV в. их приток вновь резко возрастает. Как показало наше исследование, падение притока тюрок в Палеологовскую империю было связано с коллапсом прониарной системы и обнищанием казны. Трапезундская империя, напротив, с одной стороны, не претерпела столь катастрофических трансформаций в экономике, а с другой – по мере нарастания

османской угрозы с рубежа XIV и XV вв. все больше сближалась с мусульманскими соседями.

3. Каких-либо принципиальных предпочтений в отношении тех или других разновидностей «варваров» у византийцев не было, границы византийской ойкумены по всему периметру были одинаково проницаемы. Вместе с тем совершенно очевидно, что шансов натурализоваться в византийском обществе было больше у тех пришельцев, которые могли понять и принять новые правила игры. По этой причине на протяжении всей истории империи выходцы из тюркской и иранской Анатолии, арабского Восточного Средиземноморья, в силу их большей способности к культурной адаптации (причем у разных народов Востока причины адаптируемости могли не быть одинаковыми), с большой легкостью и в больших количествах встраивались в византийский социум и культуру. Эта особенность была общей для западновизантийского и понтийского византийских обществ. Вместе с тем, следует отметить существенные различия в этническом составе эмигрантов с Востока в западновизантийских землях и на Понте. В западновизантийском регионе в этническом плане, большинство из тюркских переселенцев были выходцами из Анатолии. Половцы численно преобладали, вероятно, только в Северо-Западной Македонии. Анатолийский и кыпчакский элементы были перемешаны на территориях расселения; как правило, невозможно выделить этнически однородные области, населенные исключительно той или иной подгруппой. Тюркских эмигрантов расселяли преимущественно в сельской местности, удаленной от основных стратегических центров империи. На Понте мы также встречаем как анатолийских, так и северно-причерноморских тюрок. Однако на территории Трапезундской империи в числе азиатских эмигрантов просматривается заметный слой иранцев и курдов, отсутствовавших в западновизантийских землях. Арабы и монголы жили как на Балканах, так и на Понте, но монголов было больше в трапезундском населении, а арабов – на Балканах. Эти отличия легко объясняются особенностями ближайшего окружения и традиционных торговых и политических связей Палеологовской и Великокомниновской империй.

4. Трапезундские территории в большей степени, нежели западновизантийские земли, были открыты для расселения кочевников. В сельскохозяйственных регионах Западной Анатолии и на Балканах фиксируются исключительно оседлые тюркские эмигранты. Лишь удаленная Добруджа была ок. 1262–1263 гг. заселена кочевниками из Анатолии, однако полноценный византийский контроль над этой территорией вряд ли распространялся за пределы рубежа XIII и XIV вв.

5. Обычно тюрки на византийских землях подверглась ассимиляции, выражавшейся в их христианизации и постепенном переходе на греческий язык. До эпохи Ласкарей и Палеологов нам не известен ни один случай сохранения изначально конфессиональной идентичности (мусульманской, языческой) индивидом или группой восточных или северных «варваров», натурализовавшихся в империи. Ассимиляционные механизмы в западновизантийском мире до самой гибели оставались весьма действенными: все подданные империи исповедовали православное христианство. В этой поздневизантийской ситуации демонстрировала полную преемственность с прежней византийской традицией. Понтийский материал и в этом отношении особенен. Можно предположить, что в XV в. некоторые осевшие на трапезундских землях азиатские эмигранты продолжали сохранять мусульманскую идентичность. Недостаточная глубина христианизации осевших эмигрантов подтверждается и наличием на понтийских территориях «криптомусульман», которые внешне были христианами, но тайно продолжали исповедовать ислам. Это различие вполне объяснимо этнической фрагментированностью византийского Понта, населенного не только греками, но и значительным числом картвелов (глубина христианизации которых, возможно, не всегда соответствовала византийским стандартам), а также и монофизитов-армян. Кроме того, как показало наше исследование, численность восточных эмигрантов на Понте превышала западновизантийские показатели в 3–4 раза. Конфессиональная и этническая фрагментированность, а также отмечавшаяся нами сугубая корпоративность общества, вероятно, препятствовали скорой и глубокой христианизации пришельцев и западновизантийской модели.

В Заключении отмечается также, что близкое знакомство с тюркским миром, языком тюрков и их обычаями привело к существенным трансформациям в византийском сознании (как западновизантийском, так и понтийском), которые с определенной долей условности можно определить как «латентную тюркизацию» Византии еще до ее падения. «Латентная тюркизация» способствовала подрыву иммунных механизмов византийской культуры, которая уже не рассматривала тюрков как абсолютно «чужих».

Обрисовываются также и перспективы дальнейших исследований, которые открывает настоящая диссертационная работа. Следует продолжить работу по этимологии византийской ономастики. Для Палеологовского времени 14 антропонимов до сих пор не растолкованы, т.е. их языковая привязка остается загадкой. Процент не растолкованных антропонимов на византийском Понте еще выше – около 10%. Этимологизация антропонимического материала, несомненно, внесет существенный вклад в изучение византийского общества.

коррективы в современные представления об этническом составе населения на византийских землях. Следует продолжить работу по сбору и анализу географической и этнической номенклатуры, содержащейся не только в изданных греческих источниках утилитарных и научных жанров (география, астрология и т.д., см. гл. I), но и в рукописях. Это позволит с большей точностью судить о темпах замещения старых названий иноязычной топонимикой. Следует продолжить работу по выявлению в негреческих источниках (славянских, латинских, персидских, арабских, тюркских и др.) лиц не вошедших в PLP и введению их в исследовательский оборот византистики. Эта работа проводилась, в частности, в настоящей диссертации и должна иметь продолжение. Следует также продолжить работу по выявлению и этимологизации лексических и иных лингвистических элементов в разговорном и литературном среднегреческом. До сих пор мы не располагаем полным списком арабских, персидских, тюркских и иных заимствований. Это позволит продолжить работу над отслеживанием ориентализирующих трансформаций в поздневизантийской ментальности. Необходимо продолжить реконструкцию образа «византийского тюрка» в византийской ментальности. Если образ тюрка-иностранца разрабатывался в литературе, то отношение византийцев к «своим» тюркам до сих пор не прояснено. Мы лишь начали эту работу и она должна быть продолжена. Не будет лишним в этой связи пересмотреть и эволюцию отношения к тюркам-чужакам. В результате нашего исследования, становится очевидным, что образ тюрка-чужака от изначального пренебрежения или равнодушия в XIII в. эволюционировал в сторону восприятия тюрков как части себя (пусть худшей и дикой, но все же части), в середине XIV в. явно наблюдается поворот к ощущению равенства с тюрками (например, эмиры Умур и Орхан), а после середины XIV в. в Византийском мире растет престиж тюрков и тюркского языка. Наконец, набор подходов и методик, опробованный нами, было бы небесполезным применить к исследованию и других этнических групп (персов, арабов, славян, латинян) в составе византийского населения, как в позднюю эпоху, так и в предыдущие столетия.

В итоге на защиту выносятся следующие положения:

1. Главными критериями византийской классификации народов (и в частности тюрков) были локативные признаки, которые восходили к астрологической теории климатов. Византийская этнографическая классификация, выделяя родовые и видовые категории, была двухчастной. Опираясь на локативный критерий, византийцы различали две главные разновидности тюрков – 1) северные тюрки, которые именовали «скифами», и 2) восточные тюрки, маркировавшиеся как «персы». Термины «скиф» «перс» были наполнены для византийца совершенно конкретным социокультурным содержанием. Языковый критерий идентичности, господствующий ныне в современных этнических таксономиях, не был существенен для византийского мышления.

2. На византийских территориях жили в качестве подданных византийских императоров отдельные индивиды и группы тюрков. Главным орудием натурализации пришельцев было обращение в христианство и сопутствующая эллинизация. Принятие тюрками христианства и поселение на византийской территории ставило их под юрисдикцию римского права и делало их полноценными гражданами. Эти тюркские подданные империи могут быть описаны как этническое меньшинство противоположность греческому этническому большинству.

3. Западная (балканская) и восточная (понтийская) части византийского мира отличались существенными региональными особенностями во взаимоотношениях верховной власти и натурализованных тюрков. В восточном ареале ассимиляционные механизмы, применяемые к тюркам, были менее жестки, чем на западе византийского мира. Христианизация тюркских эмигрантов на территории Трапезундской империи всегда была эффективной. На рубеже XIV–XV вв. на Понте присутствовали группы крипто-мусульман.

4. На византийских территориях жили достаточно многочисленные и культурно влиятельные группы носителей греко-тюркского двуязычия. Это были натурализованные византийские тюрки и этнические греки, говорившие на тюркском. Присутствие этих групп на византийских территориях (в сочетании с усиливавшимся внешним давлением тюркских завоевателей) привело к существенным латентным трансформациям в византийской культуре. Тюркское мирное проникновение в греческую среду предстает особым латентным видом тюркской экспансии, обусловившим политическое поражение византийской государственности в середине XV в.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монография:

1. *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. 446 с. (25 а.л.).

Публикации в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией¹

2. *Шукуров Р.М.* Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира // *Византийский временник*. 1999. Т. 58 (83). С. 47–59 (1 а.л.).
3. *Шукуров Р.М.* Зона контакта: проблемы межкультурных отношений в современной византистике // *Византийский временник*. 2000. Т. 59 (84). С. 258–268 (1 а.л.).
4. *Шукуров Р.М.* Семейство 'Изз ал-Дина Кай-Кавуса II в Византии // *Византийский временник*. 2008. 67 (92). С. 89–116 (2 а.л.).
5. *Шукуров Р.М.* Византийские тюрки: к вопросу об этническом составе Византийской империи в эпоху Палеологов // *Византийский временник*. 2009. Т. 68 (93). С. 108–134 (2 а.л.).
6. *Шукуров Р.М.* Земли и племена: византийская классификация тюрок // *Византийский временник*. 2010. Т. 69 (94). С. 132–163 (2,5 а.л.).
7. *Шукуров Р.М.* Анатавлы: тюркская фамилия на византийской службе // *Византийский временник*. 2007. Т. 66 (91). С. 193–207 (1 а.л.).
8. *Шукуров Р.М.* Создание сакральных пространств: две новые публикации // *Византийский временник*. 2010. Т. 69 (94). С. 370–374 (0,5 а.л.).
9. *Shukurov R.* The Campaign of shaykh Djuna'yd Safawi against Trebizond (1456 AD/860 H) // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1993. Vol. 17. P. 127–140 (1 а.л.).
10. *Shukurov R.* Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // *Mediterranean Historical Review*. 1994. Vol. 9/1. P. 20–72 (3,5 а.л.).
11. *Shukurov R.* AIMA: the blood of the Grand Komnenoi // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1995. Vol. 19. P. 161–181 (1,5 а.л.).
12. *Шукуров Р.М.* По дороге в Индию // *Родина*. 1995. № 10. С. 30–33 (0,3 а.л.).
13. *Шукуров Р.М., Антопенко С.* Феникс // *Родина*. 2001. С. 123–126 (1 а.л.).
14. *Шукуров Р.М.* Средиземноморье в миниатюре // *Родина*. 2010. 11. (0,5 а.л.).
15. *Шукуров Р.М.* Исламская утопия: проект счастья // *Родина*. 2006. № 6. С. 32–37 (0,5 а.л.).
16. *Шукуров Р.М.* XXI международный конгресс византийских исследований в Лондоне (21–26 августа 2006 г.) // *Византийский временник*. 2008. 67 (92). С. 291–

¹ В список включены статьи в зарубежных изданиях, вошедшие в систему цитирования Web of Science (Arts and Humanities Citation Index), рассматриваемую в ВАК как часть «Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

- 300 (в соавторстве: Ю.Я. Вин, А.В. Захарова, С.П. Карпов, А.М. Лидов и др.) (0,1 а.л.).
17. *Шукуров Р.М.* XVIII Международный конгресс византинистов в Москве // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1992. № 4. С. 56–76 (в соавторстве: Н.М. Богданова, С.Л. Ближнюк, А.Л. Пономарев) (0,1 а.л.).
 18. *Шукуров Р.М.* XVIII Международный конгресс византинистов в Москве. Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 207–219 (в соавторстве: С.П. Карпов, Н.М. Богданова, С.В. Ближнюк, А.Л. Пономарев, М.В. Бибииков) (0,1 а.л.).
 19. *Шукуров Р.М.* Рец.: А.А. Savvides, Byzantium in the Near East: its relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols (Thessalonike, 1981) // Византийский временник. 1987. Т. 46. С. 172–178 (в соавторстве с П.И. Жаворонковым) (0,5 а.л.).
 20. *Шукуров Р.М.* Рец. на: Жуков К.А. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. Москва, 1987 // Византийский временник. 1987. Т. 46. С. 172–178 (0,3 а.л.).
 21. *Шукуров Р.М.* Рец. на: Иванов С.А. Византийское юродство, М., 1994 // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 171–173 (0,3 а.л.).
 22. *Шукуров Р.М.* Рец.: Shahid I. Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Vol. 1, part 1: Political and Military History. Vol. 1, part 2: Ecclesiastical History. XXX + 1016 p. + Index. Washington, D.C., 1995 // Византийский временник. 1997. Т. 57 (82). С. 289–292 (0,2 а.л.).
 23. *Шукуров Р.М.* Рец.: Byzantine Magic / Ed. by Henry Maguire (Dumbarton Oaks Research Library and Collection). Washington, DC, 1995, 187 p. // Византийский временник. 1997. Т. 57 (82). С. 317–318 (0,1 а.л.).
 24. *Шукуров Р.М.* Обзорные итоги XX Международного конгресса византиноведческих исследований (Париж, 19–25 августа 2001 г.) // Византийский временник. 2003. Т. 62. С. 201–223 (в соавторстве: Г.Г. Литаврин, М.В. Бибииков, А.В. Захарова, А.Ю. Казарян, И.А. Стерлигова, Л.А. Герд, А.А. Талызина) (0,1 а.л.).
 25. *Шукуров Р.М.* Рец.: Карпов С.П. Средневековый Понт. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2001 // Византийский временник. 2004. Т. 63 (88). С. 258–263 (0,5 а.л.).
 26. *Шукуров Р.М.* Рец.: Восточнохристианские реликвии / Ред., сост., А.М. Лидов. М., 2003 // Византийский временник. 2005. Т. 64 (89). С. 297–301 (0,3 а.л.).
 27. *Шукуров Р.М.* Рец.: Арутюнова-Фиданян В.А. "Повествование о делах армянских (VII в.): источник и время. М.: "Индрик", 2004. 272 с., ил. // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 269–272 (0,2 а.л.).

Другие научные публикации:

28. *Шукуров Р.М.* Восточные этнические элементы в населении Трапезундской империи // 18 Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. Т. М., 1991. С. 1052–1053 (0,1 а.л.).
29. *Шукуров Р.М.* Трапезундская империя и тюркские эмираты Понта в XIV в. Причерноморье в средние века / Ред. С.П. Карпов. М., 1991. С. 217–254 (3,2 а.л.).
30. *Шукуров Р.М.* Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып. 2 / Ред. С.П. Карпов. М., 1995. С. 68–103 (4 а.л.).
31. *Шукуров Р.М.* Три жизни одного прорицания // Гуманитарная наука в России: сороковские лауреаты. История, археология ... М., 1996. С. 168–178 (1 а.л.).
32. *Шукуров Р.М.* Латентная тюркизация: опыт византийского Понта // Byzantium Identity, Image, Influence. Vol. 2: Abstracts. XIX International Congress of Byzanti-

- Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996. № 3126 (0,1 а.л.).
33. *Шукуров Р.М. Коробейников Д.А.* Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223–1230 гг. (Загадка текста Иоанна Лазаропула // Причерноморье в средние века / Ред. С.П. Карпов. Вып. 3. М. 1998. С. 178–200 (2,5 а.л.).
 34. *Шукуров Р.М.* Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Ред. Р.М. Шукуров. М., 1999. С. 194–234 (2,5 а.л.).
 35. *Шукуров Р.М.* «Новый Манцикерт» императора Феодора I Ласкариса // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 409–427 (1 а.л.).
 36. *Шукуров Р.М.* Предварительные замечания о Чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Ред. Р.М. Шукуров. М., 1999. С. 9–30 (1 а.л.).
 37. *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и «синопский вопрос» в 1254–1277 гг. // Причерноморье в средние века / Ред. С.П. Карпов. М., 2000. С. 177–208 (2,5 а.л.).
 38. *Шукуров Р.М.* Формулы самоидентификации анатолийских тюрок и византийская традиция (XII–XIII вв.) // Причерноморье в средние века / Ред. С.П. Карпов. М., 2001. С. 151–173 (2 а.л.).
 39. *Шукуров Р.М.* Загадка Давида // Мир Александра Каждана / Ред. А.А. Чекалова. СПб., 2003. С. 223–233 (1 а.л.).
 40. *Шукуров Р.М.* Туркменские владыки Римской империи (К семантике термина Рум / Романия) // От Средних веков к Возрождению. Сборник в честь профессора Л.М. Брагиной. СПб., 2003. С. 169–180 (1 а.л.).
 41. *Шукуров Р.М.* Крипто-мусульмане Анатолии // Причерноморье в средние века / Ред. С.П. Карпов. Вып. 6. М. 2005. С. 214–233 (1 а.л.).
 42. *Шукуров Р.М.* Иагуны: тюрокская фамилия на византийской службе // Византийские очерки. СПб., 2006. С. 205–229 (1,3 а.л.).
 43. *Шукуров Р.М.* Трапезундская империя и Восток // *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 453–507 (4,5 а.л.).
 44. *Шукуров Р.М.* Конфессия, этничность и византийская идентичность // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе / Ред. М.В. Дмитриев. М., 2008. С. 243–262 (1 а.л.).
 45. *Шукуров Р.М.* О нескольких восточных именах в антропонимике Трапезундской империи // СТРАТНГОС. Сборник статей в честь Владимира Васильевича Кучмы / Ред. С.Н. Малахов, Н.Д. Барабанов. Армавир, 2008. С. 180–186 (0,5 а.л.).
 46. *Шукуров Р.М.* Восточные лексические заимствования в среднегреческом (XI–XV вв.): предварительные замечания // Причерноморье в средние века / Ред. С.П. Карпов. Вып. 7. М., 2009. С. 54–71 (1,5 а.л.).
 47. *Шукуров Р.М.* Латиняне в сельской Мацуке (13–15 вв.) // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Ред. Р.М. Шукуров. М., 2009. С. 627–642 (1 а.л.).
 48. *Шукуров Р.М.* Ζαρκολῆς и ζαρκοῦλᾱς: два османских заимствования в среднегреческом // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973) / Ред. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2010. С. 511–515 (1 а.л.).
 49. *Шукуров Р.М.* Гаремное христианство: византийская идентичность анатолийских Сельджуков // Причерноморье в средние века / Ред. С.П. Карпов. Вып. 8. СПб., 2011. С. 64–90 (2 а.л.).

50. Шукуров Р.М. Церкви в цитаделях Испира и Байбурта: реликт гаремно христианства? // Византийские очерки. СПб., 2011. С. 228–242 (1 а.л.).
51. Shukurov R. Eastern Ethnic Elements in the Empire of Trebizond // Acts, 18 International Byzantine Congress, Selected Papers: Main and Communications, Mosco 1991 / Editors-in-Chief I. Sevcenko and G. Litavrin. Vol. 2: History, Archaeology Religion and Theology. Shepherdstown. 1996. P. 75–81 (0,5 а.л.).
52. Shukurov R. Three Lives of One Prophecy // The Humanities in Russia: Soros Laureate (Psychology, History...). Moscow, 1997. P. 87–91 (1 а.л.).
53. Shukurov R. Horizons of Daily Interest // Byzantinische Forschungen. 1999. Bd. 25. P. 14 (1 а.л.).
54. Shukurov R. The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogeios. 1999. T. 6. P. 7–47 (2 а.л.).
55. Shukurov R. Doğu Karadeniz bölgesinde türkçe konuşan bizanslılar // Trabzon Tar Sempozyumu. Trabzon, 1999. P. 22–46 (1 а.л.).
56. Shukurov R. The enigma of David Grand Komnenos // Mésogeios. 2001. T. 12. P. 12–136 (1 а.л.).
57. Shukurov R. New Evidence on Crypto-Muslims in Anatolia during the Conquests of Tamerlane (ca. 1400-1402) // Anthropology, Archeology and Heritage in the Balkans and Anatolia or The Life and Times of F.W. Hasluck (1878-1920). University of Wales Aberystwyth, 3-6 Nov. 2001 (0,1 а.л.).
58. Shukurov R. Christian Turks and Crypto-Muslims of Anatolia // XXe Congrès international des études byzantines. Pré-actes. III. Communications libres. Paris, 2001. P. 263 (0,1 а.л.).
59. Shukurov R. Turkmen and Byzantine self-identity. Some Reflections on the Logic of Title-Making in Twelfth- and Thirteenth-Century Anatolia // Eastern Approaches to Byzantium / Ed. A. Eastmond. Aldershot, 2001. P. 255–272 (1,5 а.л.).
60. Shukurov R. The Crypto-Muslims of Anatolia // Anthropology, Archeology and Heritage in the Balkans and Anatolia or the Life and Times of F.W. Hasluck (1878-1920) / Ed. David Shankland. Vol. 1–2. Istanbul, 2004. Vol. 2. P. 135–158 (1 а.л.).
61. Shukurov R. Christian Elements in the Identity of the Anatolian Turkmens (12th-13th Centuries) // Cristianità d'occidente e cristianità d'oriente (secoli VI-XI). CISA Spoleto, 2004. P. 707-764 (3 а.л.).
62. Shukurov R. Trebizond and the Seljuks (1204-1299) // Mésogeios. Revue trimestrielle d'études méditerranéennes, Special edition "The Seljuks" / Ed. G. Leiser. [T. 25–26] Paris, 2005. P. 73–138 (2,5 а.л.).
63. Shukurov R. Two Waves of Nomadic Migration in the Pontos in the Thirteenth and Fourteenth Centuries // International Journal of Black Sea Studies. 2006. Vol. 1. P. 29–40 (1 а.л.).
64. Shukurov R. The Byzantine Turks under the Palaiologoi (1261–1453) // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies, London 21–26 August 2006. Vol. II. Abstracts of Panel Papers. P. 16–18 (0,4 а.л.).
65. Shukurov R. Things and their Names: Oriental Borrowings in Byzantine Greek (12th-15th Centuries) // First International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium Programme and Abstracts of Papers. Istanbul, 2007. Session 15 (0,1 а.л.).
66. Shukurov R. The Byzantine Turks: An Approach to the Study of Late Byzantine Demography // L'Europa dopo la caduta di Costantinopoli: 29 maggio 1453. Spoleto, 2008. P. 73–108 (2 а.л.).
67. Shukurov R. On some Oriental Borrowings in Middle Greek (11th-15th Centuries) // Change in the Byzantine World in the 12th–13th Centuries. First International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium. Istanbul, 2010. P. 151–156 (0,5 а.л.).

68. *Shukurov R. Ibn Bibi // Encyclopedia of the Medieval Chronicle / Ed. R.G. Dunphy. Leiden and Boston, 2010. P. 830–831 (0,3 а.л.).*
69. *Shukurov R. The Oriental Margins of the Byzantine World: a Prosopographical Perspective // Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204 / Eds. J. Herrin & G. Saint-Guillain. Aldershot, 2011. P. 167–196 (2 а.л.).*
70. *Shukurov R. The Byzantine Classification of the Turks: Archaization or Academic Traditionalism? // Proceedings of the 22nd International Congress of Byzantine Studies. Sofia, 22–27 August 2011. Vol. 2: Abstracts of Round Table Communications. Sofia, 2011. P. 270–272 (0,2 а.л.).*

Ответственная редакция сборников статей:

71. *Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Ред. Р.М. Шукуров. М., 1999. 380 с. (24 а.л.).*
72. *Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников / Ред. Р.М. Шукуров. М., 2009. 775 с. (48,5 а.л.).*

Подписано в печать: 19.12.11

Объем: 1,5 усл.п.л.

Тираж: 75 экз. Заказ № 648

Отпечатано в типографии «Реглет»

119526, г. Москва, Рождественка, 5/7, стр.1

(495) 623-93-06; www.reglet.ru